

Дневник души

Разумеется, в поисковом процессе, думаю, они нередко спорят. Ну, внутреннее духовное родство, проверенное целой творческой жизнью, основанное на общем понимании художественных целей и способа достижения оных.

Бенедиктов вообще редко меняет своих соавторов. Взять хотя бы его балетные спектакли - в

нике (Станислав Бенедиктов ласково и усмешливо называет их мутантами...). Высокая мера реалистической подлинности. Высокий уровень мастерства.

Сколько смысла спрятано за простым, повседневным, привычным. И совсем обычный дом на улице старинной северной Вятки - вовсе не обычный, а очень дорогой сердцу художника. Именно здесь начинался его театральный путь в здании ТЮЗа. И тепло памяти - живой, лирической - насыщает здесь каждую частность, пронизывает всю композицию. За большими окнами церковь на Пироговке. «Понимаете, - говорит художник, - вокруг нее особенная атмосфера, она будто охраняет и защищает...».

Скромное загородное жилище близ Минска с неповторимым уютom, с нехитрой старой утварью тоже насыщено «добрыми духами дома». Когда смотришь десятки новых, совсем недавно созданных работ, будто перелистываешь единственный в своем роде дневник. Дневник души. И вдруг понимаешь: театральное и станковое творчество здесь вовсе не развивается двумя параллельными потоками. При внешней разделенности они, напротив, выдают в художнике натуру чрезвычайно цельную, «единую в двух лицах». Сценограф Бенедиктов знает цену предметной детали, внезапно привнесенной в подчеркнuto условный мир спектакля, детали, наделенной всей конкретностью места и времени действия. График Бенедиктов тонко чувству-

некую глобальность обобщений. Лестница в классицистском расписном действе - обычная лестница в фойе - становится дорогой из вечности на землю и обратно. Космически величавы образы небес, земли, звезд, планет в киргизском балете «И дольше века длится день» (постановщик Уран Сарбагисhev). Дышат тайной и грозят неожиданностями межзвездные дали в спектакле «Малыш». Вселенский и страшный карнавал разыгран в «Короле Лире». И обреченность заснеженных российских степей читается в сценическом воплощении «Капитанской дочки». Но самым неожиданным и несколько загадочным «методом» Бенедиктов всегда умеет сохранить в любом своем спектакле душевность авторского художнического высказывания, его сиюминутность».

А в графических листах - таких конкретных, «фигуративных», по всей видимости, чуждых претензий на философски-весомые обобщения, вдруг возникает серьезный призыв к размышлению. Быт оборачивается бытием. Мгновение - временами. Плоскость листа безграничным пространством Жизни. Все перечисленное там заложено. Стоит лишь всмотреться. И увидишь. И почувствуешь.

Как в театральном, так и станковом творчестве Бенедиктова ощутимы строжайшее чувство меры, строжайший отбор. Он не любит эффектов. И потому всякий редкий эффект в его постановках выглядит особо значительным,

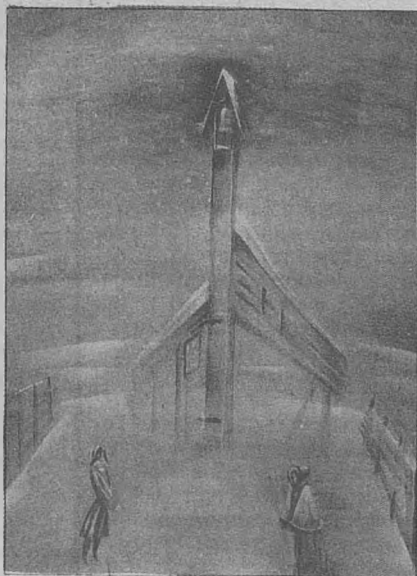
Да! Конечно! Вот он - тот самый забор. Помните, Том Соьер по распоряжению тетушки Полли забор красил? А Гекльберри Фин страшно ему завидовал и выпрашивал позволения покрасить забор? Но в подмакетнике разместились еще уйма различнейших чудес, связанных с повестью Марка Твена. В том числе и «сборно-разборный» паром. Его можно смонтировать мгновенно и посадить на палубу всех персонажей балета «Том Соьер» в будущей постановке Андрея Петрова.

А напротив, что в подмакетнике? Ну, конечно, Карло Гоцци. И черно-золотая, будто патинированная бронза, прозрачная дымка Венеции, фигурки итальянской комедии дель арте. И даже каждый из трех апельсинов носит карнавальную полумаску. Впрочем, «Любовь к трем апельсинам» уже состоялась. А теперь, наверное, будет «Зеленая птичка». В будущей постановке главного режиссера Российского молодежного театра Алексея Бородина. В декорациях и костюмах Станислава Бенедиктова - главного художника театра.

Макеты обычно бывают двух типов. К первому принадлежат нарядные, выложенные, щегольские и - словно заизолированные от зрителя невидимой, прозрачной преградой. Ты можешь любоваться ими, но никогда не «перешагнешь» непреступаемую черту, проведенную сценографом.

К другому типу принадлежат макеты, не менее отшлифованные в своей игрушечной трехмерности, ничуть не менее эффектные, они тем не менее являют собой совершенно открытую систему и охотно, радушно (так и хочется сказать - гостеприимно) приглашают зрителя мысленно войти в сочиненное художником пространство. Ваше воображение начинает работать интенсивно. Вам уже представляются мизансцены, ритм, темп задуманного спектакля. В объемных проектах оформления уже пульсирует жизнь, бьется сердце, угадывается интрига действия. К данному разряду и принадлежат бенедиктовские макеты. При взгляде на его материализованные замыслы всегда вспоминается «коробочка» из булгаковского «Театрального романа». То есть коробка сцены, подмости, для которых словно создан и предназначен талант Станислава Бенедиктова.

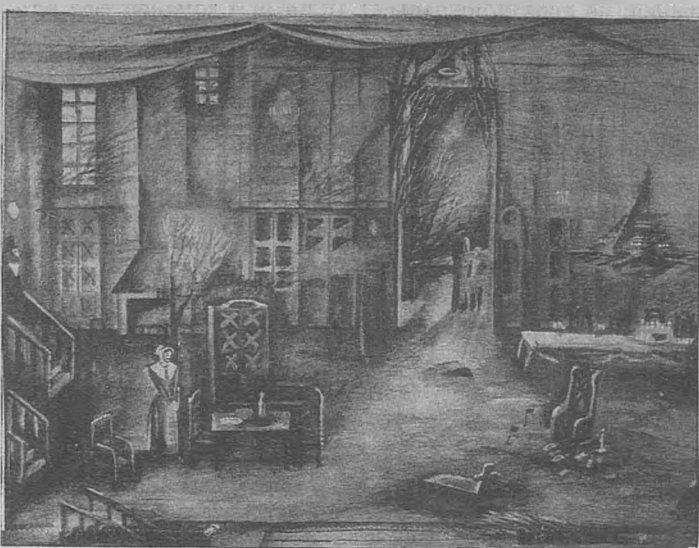
Неторопливое созерцание макетов завершилось. Распахнулась дверь: Алексей Бородин пришел обсудить «производственные вопросы» с художником. Не знаю, о чем они разговаривали. Но было совершенно ясно: Бородин и Бенедиктов понимают друг друга с полуслова, полувзгляда, полунамека.

Большом ли театре, в Софии, в Кремлевском дворце - всегда с Петровым. В своих предпочтениях и профессиональных привязанностях художник отличается завидным постоянством, надежностью, несуетностью. И столь же прочной остается его удивительное чувство признательности к своим давним наставникам - Татьяне Сельвинской (Училище имени 1905 года), Михаилу Курилко и Милице Пожарской (Институт имени Сурикова). Некогда князь Одоевский назвал благодарностью «мелодией сердца». Высказывание прошлого столетия вполне справедливо для художника наших дней.

Казалось бы, театр поглощает его безраздельно, и нет досугов. И все же, все же... Именно сейчас, пару лет спустя после содержательной и необычной персональной выставки, Станислав Бенедиктов показал целые «сериалы» станковой графики. Совсем новые, прежде неизвестные публике работы разместились в фойе театра. Шел детский утренник. Заканчивался антракт. И меня вдруг поразили дети. Непривычно тихие, смирные. Очень степенно - без воплей, шума, беготни направлялись они к залу. Две девочки лет десяти задумчиво отошли от большого графического пейзажа, и нечто не по возрасту грустное сосредоточенное промелькнуло в их физиономиях. Значит, художник «забирает» в плен не одними лишь сценическими фантазиями.

Сколько видимой, благородной простоты в циклах ландшафтов, натюрмортов, интерьеров. Обидны избранные художником мотивы. Заречная даль в Вятке. Холодные, бесконечные боковые коридоры. Экзотические комнатные цветы на подокон-

ет характерность бытовой подробности, ценит каждый миг в спокойном течении жизни. Казалось бы, театральные решения Бенедиктова за редкими исключениями несут

важным в своей осмысленности, содержательным. Его искусство - негромкое, неброское, непешное. Глубоко интеллигентное. Похожее на самого художника.

Когда открывается занавес (или когда занавеса просто нет) и видишь его декорации, когда останавливаешься перед его эскизами, макетами, рисунками, словно слышится очень тихий голос. Будто мастер негромко позвал своего зрителя поговорить, поделиться сокровенным, поразмышлять о действительности и о театре. На такой тихий голос откликнешься непременно и войдешь в миры, сочиненные Станиславом Бенедиктовым. И долго-долго еще будет сиять и звучать в душе все открытое, увиденное, запечатленное Художником. Народным художником России Станиславом Бенедиктовым.

Елена ЛУЦКАЯ.

На снимках: С. Бенедиктов; эскизы к спектаклям «Капитанская дочка» и «Большие надежды»; «Голландский домик» (живопись).

